

В середине сентября Хуайли заливало дождями. Дороги не просыхали, палая листва кружилась в лужах, пуская мелкую рябь. Белые парусиновые кеды наступили на влажный лист, и на чистую ткань тут же брызнула грязная вода.

— Впереди корпус старшеклассников, за ним — спортзал, но туда я тебя уже не поведу, скоро уроки, — на ходу объяснял новый классный руководитель Е Пин. Он то и дело оглядывался на идущего следом Нин Цы. — У нас дисциплина строгая. Ты ведь из Средней школы при университете? Там методы обучения другие. В нашей школе во время занятий ворота запирают, а на переменах я бы советовал лишний раз из класса не выходить. Учебный план у нас плотный, так что постарайся поскорее втянуться.

Е Пин добродушно улыбнулся.

— Впрочем, по тебе сразу видно — парень прилежный. Мама говорила, оценки у тебя хорошие. Но учти: то, что в Средней школе при университете считается «хорошим», у нас может и не дотягивать.

Е Пин не кривил душой.

Нин Цы, худощавый и стройный, в белоснежной рубашке, застегнутой на все пуговицы, выглядел образцовым учеником. Он покорно нес на плечах черный рюкзак, и какой бы вопрос ни задавал учитель, лишь молча слушал, глядя на мир ясным, спокойным взглядом. На фоне тех оболтусов, что ни в грош не ставили школьные правила, такой ребенок вызывал невольную симпатию.

Раздражение учителя понемногу угасло. Принимать нового человека в класс в разгар выпускного года — та еще головная боль. Тем более из школы при университете. Для учителей из Первой средней школы Хуайли такие заведения казались «шарашкиными конторами», и даже заверения родителей в отличной успеваемости сына не внушали Е Пину доверия. Не будь семья Нин Цы богатой, вряд ли бы перевод состоялся.

— Все, что я сказал, запомни. Не заставляй меня потом за тебя краснеть.

Нин Цы помедлил, закусил нижнюю губу и, не поднимая головы, едва слышно проронил:

— В Средней школе при университете... неплохо учили.

Школа при университете, может, и уступала Первой средней школе Хуайли в престиже, но вовсе не была такой уж никчемной, как расписывал Е Пин.

Однако в следующую секунду учитель, заметив что-то впереди, прикрикнул:

— Стоять! Вы куда это намылились?

Его зычный голос мгновенно заглушил робкое возражение Нин Цы.

Тот вздрогнул и замер, выпрямив спину и уставившись в землю. Чувствуя, как перед ним кто-то остановился, он не решился поднять глаз, проглатывая оставшиеся слова.

— Да никуда, старина Е. Вы-то сами что здесь делаете? — раздался в ответ ленивый, вызывающий мужской голос.

Нин Цы видел лишь несколько пар кроссовок. На одной были нарисованы черепа — две туфли в разном стиле, жутковато и по-детски одновременно. Школьные брюки на их владельце сидели как-то косо, едва прикрывая щиколотки.

Е Пин, у которого слова нравоучения застряли в горле, покосился на поникшего Нин Цы, прочистил горло и напустил на себя строгий вид:

— Новенького в класс веду. А вас я спрашиваю — куда идете?

— О-о-о... — протянул парень, намеренно растягивая гласную. — Старина Е, вы слишком любопытны.

Он что-то весело шепнул приятелям, явно ни в грош не ставя авторитет учителя.

Кроссовки с черепами прошли мимо Нин Цы, обдав его легким порывом ветра и едва уловимым запахом сигаретного дыма.

Е Пин замер в неловком молчании, кипя от бессильной злости. Проводив компанию взглядом — особенно высокого парня, шедшего в центре, — он дождался, пока они скроются, и громко бросил Нин Цы:

— Пойдем! Совсем от рук отбились. Вот погодите, я с ними еще поговорю! Ты на этих остолопов не смотри, не вздумай с них пример брать!

Нин Цы промолчал.

Учитель, не желая больше раздувать тему, угрюмо повел его к кабинету.

Нин Цы менял школы не впервые. С самого детства, едва в личной жизни матери случался очередной надлом, они срывались с места. Мать никогда не оставляла его одного, но и стабильности он не знал.

И все же, когда целый класс одновременно вскинул головы, чтобы на него поглазеть, Нин Цы

вспыхнул до корней волос. Он крепко сжал лямки рюкзака, его взгляд заметался. Больше всего на свете ему хотелось сейчас стать невидимым.

Но Е Пин, встав рядом с учителем-предметником, подтолкнул его в спину:

— Познакомьтесь, наш новый ученик. Прошу любить и жаловать!

Нин Цы напрягся и, плотно сжав губы, незаметно попытался отступить к дверному косяку. Е Пин недовольно нахмурился.

— Всем привет. Я Нин Цы.

Голос прозвучал мягко, почти шепотом.

— И это всё? — классный руководитель удивленно приподнял брови.

Нин Цы, поглаживая лямку рюкзака, едва заметно кивнул.

Вид у него был настолько кроткий, покорный и смущенный, что это никак не походило на напускную холодность.

Е Пин остался недоволен лаконичностью, но в то же время испытал облегчение: такой пугливый парень вряд ли доставит проблем. В их школе, при всей ее строгости, хватало паршивых овец, и почти все они по иронии судьбы собрались именно в этом классе. Одной заботой меньше.

Правда, представился новенький так тихо, что кто-то с задних рядов выкрикнул:

— Громче говори!

Нин Цы замер, приоткрыв рот, и отступил на шаг. Он побледнел, будто от испуга.

В ответ раздался чей-то издевательский свист.

— Цыц! — Е Пин полоснул нарушителя взглядом. — Раскричались тут!

— Ой, да ладно вам...

Впрочем, перечить учителю не стали. Насмешки сменились бурными аплодисментами и нестройным гулом голосов:

— Зачем переводиться в такое время?

— Да какая разница, зато вон какой красавчик.

— Пэй Цзиня и компании нет, так старина Е сразу хвост распустил...

Под этот шум Нин Цы пробрался к своему новому месту. Стоило ему сесть, как жгучая боль в спине напомнила о себе. Травму он получил вчера вечером. Нин Цы привык терпеть, надеясь, что за ночь все пройдет, но сейчас даже легкое движение отзывалось невыносимой резью.

— Ладно, продолжайте урок! — бросил Е Пин и, заложив руки за спину, вышел из кабинета.

Наконец-то наступила тишина. Нин Цы аккуратно разложил новые учебники, но не успел он закончить, как кто-то сзади пнул его стул.

Вздвогнув, он обернулся. На него с усмешкой смотрел коротко стриженный парень.

— Я Чэнь Фан, — представился тот, мазнув взглядом по его идеально ровным стопкам книг. — У тебя все учебники есть? Может, одолжить какой?

Вроде бы дружелюбно, но взгляд у Чэнь Фана был слишком цепким, а голос — тем самым, что недавно требовал «говорить громче».

— Не... нет, спасибо, у меня все есть, — Нин Цы, не привыкший к общению с незнакомцами, быстро замотал головой.

Чэнь Фан хмыкнул. Он хотел было расспросить новенького, откуда тот пришел, но Нин Цы уже отодвинулся вместе со стулом к самому краю парты, словно Чэнь Фан был каким-то чудовищем.

Тот лишь плечами пожал. Настоящие-то чудовища еще не пришли.

Проводив взглядом худую спину Нин Цы, Чэнь Фан дождался, пока учитель отвернется, привычным жестом выудил смартфон и отправил сообщение в группу под названием «Авторитеты Первой средней»:

[Чэнь Фан: У нас новенький. Реально краш. Глазищи огромные, светятся прямо. Только шепчет под нос, как муравей, — фиг услышишь. Наверное, думает, я глухой]

Ответы посыпались почти сразу.

[Цзян Лицзянь: Ты его как виноград описываешь. Девчонка, что ли?]

[Лу Жан: Пацан, вроде. Лысый его вел. Лица не видел, но со спины ничего так выглядит]

[Лу Жан: Нам-то че, вы @Пэй Цзиню скажите]

[Цзян Лицзянь: Забейте, Брат Пэй сегодня не в духе. Слышали про того парня? Короче, там такая драма, что Пэй едва не взорвался]

[Чэнь Фан: Серьезно? Теперь ясно, чего вы так подорвались]

[Чэнь Фан: Ладно, я пока понаблюдаю за ним. «Картинка: Дарю вам рога»]

Весь остаток утра Нин Цы просидел, буквально вжавшись в парту, чтобы не получить новый пинок сзади. К счастью, все прошло спокойно, если не считать пары новых тестов, приземлившихся на стол.

В обед класс опустел. Когда Нин Цы выходил из кабинета, на лестничной клетке слышались девичьи голоса.

— Пэй Цзинь сегодня придет на уроки?

— Тебе-то что? Все никак не успокоишься? Он же по парням, это же... ну, странно как-то.

— Не говори так. Через два месяца школьный юбилей, староста просила найти таланты. Я слышала, он на пианино играет, хотела спросить, не выступит ли он.

— Ага, так он тебе и разбежался...

Это были его одноклассницы. У Нин Цы была отличная память на лица: один раз увидел — запомнил. Заметив его, девушки мгновенно замолчали.

Нин Цы сделал вид, что ничего не слышал. Его это не касалось.

Он вышел поздно, поэтому в школьном дворе почти никого не было. После дождей снова стало душно, солнце нещадно палило. Стараясь держаться в тени, Нин Цы быстрым шагом дошел до аптеки за воротами.

Боль в спине не утихала. За годы он привык к подобному, но на уроках было трудно сосредоточиться.

Купив лекарство, Нин Цы вышел на улицу и замер. На той дороге, по которой он пришел, собралась толпа — ученики возвращались с обеда. Помявшись у входа, он решил пойти в обход.

Готовясь к переводу, Нин Цы изучил карту района и знал, что есть узкая тропинка, ведущая к задним воротам. Путь длинный и безлюдный, но сейчас это казалось лучшим вариантом.

На середине пути стало совсем пустынно. Широкая улица сменилась узким проулком, где не было ни души. Нин Цы не успел пообедать, и долетающие с торговой улицы ароматы еды заставляли желудок жалобно урчать. Решив, что позже перекусит какой-нибудь булкой, он вздрогнул от внезапного звонка.

На экране светилось: «Мама».

Напряжение немного спало. Улыбнувшись, Нин Цы остановился и ответил.

— Как новая школа? — голос Нин Лань был мягким. Свою манеру речи Нин Цы унаследовал именно от нее.

— Все хорошо.

— Вот и славно. С кем-нибудь познакомился?

Нин Цы на секунду замялся, и мать тут же запричитала:

— Ты у меня такой замкнутый, характер мягкий... Не доверяй кому попало, ладно? Послушай маму, сейчас люди такие — в лицо улыбаются, а на уме черт знает что.

— Я знаю, мам. Я никому не верю.

Нин Цы послушно стоял у стены, почти сливаясь с длинной тенью. В этот момент он был идеальным воплощением «хорошего мальчика», которого обожают и учителя, и родители.

Однако Нин Лань вдруг сменила тему:

— По поводу вчерашнего... Мама была неправа, что ударила тебя. Просто я разнервничалась. Ты только познакомился с дядей, понятно, что называть его папой не хочется. Но когда в следующий раз вернешься домой... Сделай это ради меня, хорошо? Назови его папой.

На том конце провода слышался мужской голос.

— Сяо Цы, мне пора, дела. Если что — звони.

Не успел он и слова вставить, как раздались короткие гудки.

Нин Цы приоткрыл рот, беззвучно шепча «не хочу». Поникнув, он постоял немного, не решаясь перезвонить, и побрел дальше вглубь переулка. Но через пару шагов вынужден был резко остановиться.

Обычно здесь никого не бывало. Но сегодня ему явно не везло.

В глубине проулка стояла группа парней.

Лужи еще не просохли. Белая школьная форма перемешалась с грязью, тихие всхлипы и мольбы о пощаде эхом отдавались от стен.

В пятнах света и тени выделялся один парень. Он стоял, прислонившись к стене, вызывая чистый. Школьный пиджак небрежно наброшен на плечи, черные волосы прикрывают серебристый кафф на ухе. В мочке — черная серьга-гвоздик, ярко блеснувшая на солнце. Лицо с резкими, волевыми чертами казалось отрешенным, он смотрел с ленивым безразличием. Его тонкие пальцы выделялись на фоне темной одежды.

Те самые кроссовки с черепами попирали грязную воду.

Кто-то из окружения что-то сказал, и парень едва заметно усмехнулся, отчего его лицо приобрело пугающее, злое выражение.

Красота не спасала — он выглядел по-настоящему опасным.

Нин Цы мертвой хваткой вцепился в пакет с лекарствами. Он предательски задрожал.

<http://bllate.org/book/19812/1985700>